

УДК 93.1

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-507-515

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
ДВОРЯНСТВА И КУПЕЧЕСТВА В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД
В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО РАКУРСА****TRANSFORMATION OF NOBLES AND MERCHANTS' RELATIONS DURING
THE POST-REFORM PERIOD IN SOCIO-PSYCHOLOGICAL CONTEXT****Д.С. Гудов
D.C. Gudov**Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: 722322@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматривается трансформация социальных отношений представителей дворянства и купечества в пореформенный период. Особое внимание уделено социально-психологическому аспекту в данных взаимоотношениях, так как социально-экономические изменения пореформенного периода оказали сильное влияние на социальную психологию всех сословий российского общества. Следует считать, что вторая половина XIX века стала переломной как в сознании дворянства, так и купечества, в сложившихся реалиях оба сословия выстраивали новую модель социальных взаимоотношений, которая кардинально отличалась от прежней. Так, уже начиная с 70–80 годов XIX века социально-психологические границы сословной структуры Российского общества в рамках капитализации если не исчезают полностью, то уже перестают быть такими непроходимыми. Таким образом, в статье рассмотрен процесс социально-психологического сближения представителей буржуазного мира и дворянства.

Abstract

The article deals with the transformation of social relations of representatives of the nobility and merchants during the post-reform period. Particular attention is paid to the social and psychological aspects because of economic changes had a strong influence on the social psychology of all Russian classes. It should be considered the second half of the 19th century was a turning point, both in the minds of the nobles and the merchants. So they built a new model of social relations which was radically different from the previous one. Image to the merchants in the Russian society was ambiguous and sometimes negative but the socio-psychological boundaries of the Russian society because of capitalization could disappear completely. Particularly this problem is vividly illustrated by the memories of representatives of the nobility and merchants of 70–80 years of the 19th century. And by the end of the 19th century, we see a change in the socio-psychological orientations of both classes. Thus, the article describes the process of social-psychological rapprochement between representatives of the bourgeois world and the nobility in the 19th century.

Ключевые слова: дворянство, купечество, социальная психология, сословная исключительность, традиции.

Keywords: nobles, merchants, social psychology, class inequality, traditions.

Начиная с 1990-х годов в изучении процессов эволюции сословной структуры российского общества периода Российской империи появляются новые подходы. В центре

внимания исследователей становятся межсословные и внутрисословные отношения различных сословий Российской империи. Особенно актуальны данные тенденции при анализе переломных эпох, где одним из многих является пореформенный период. Именно в этот период, когда изменяются политические и социально-экономические ориентиры, сословные общности ищут новое место в изменяющихся реалиях. При этом у каждого сословия внутреннее соотношение традиций и новаций неравномерно, в каждом отдельном случае все зависит от влияния внешних и внутренних факторов.

Изменения в социальной структуре российского общества в начале пореформенного периода (60-е годы XIX века) не разрушили социально-психологическую обособленность между сословиями Российской империи. Социально-психологические особенности каждой отдельной сословной корпорации на протяжении веков подкреплялись законодательно и имели устойчивую форму. Такой порядок социальной стратификации не мог исчезнуть в короткий промежуток времени, это длительный и сложный процесс, который прослеживается на протяжении всей второй половины XIX века. На примере основных представителей дворянства и купечества отчетливо прослеживается такая тенденция. Для пореформенного дворянства социальная модернизация оказалась весьма болезненной, где в сложившихся социальных и экономических реалиях не все представители нашли свое место, а купечество напротив стремительно возвысилось в социальном и экономическом плане. Солидные капиталы, которыми владели купцы, давали возможность им претендовать на высокие места среди местной элиты, но факт недостатка образованности и их незнатного происхождения ставил психологические препятствия между ними и дворянством. Кроме того, столкновение на земельном рынке представителей данных сословий показало сложность эволюции их социальной психологии [Шаповалов и др., 2005].

Стоит отметить, что неприязнь, а временами и презрение представителей дворянства к купечеству было частым явлением в дореформенный период и имело устойчивую форму. Так, публицист И. Землянский отмечает, что купечество было по большей части не заинтересовано в получении образования, и примечательнее всего то, что чем состоятельнее купец, тем менее он думал о воспитании своих детей. По словам публициста, в купеческой среде на нравственное воспитание детей не обращали внимания, что, по его мнению, проявлялось в следующем: «старается поскорее посадить своего сынка в лавку, или магазин, и приучить его к самым бессовестным барышничеством и надувательством к торговле. Его могут радовать успехи его детища в торговле, т. е. надувательстве...» [Землянский, 1860, с. 30]. В своих воспоминаниях, опубликованных в периодических изданиях, княгиня Е.Р. Дашкова настолько сильно была против брака её сына на дочери купца, что прервала с ним любые контакты. Княгиня чрезвычайно гордилась своим знатым происхождением и не смогла смириться с тем, что её сын женился на незнатной девушке, дочери купца Алферова. Известие о свадьбе сына настолько сильно тронуло княгиню, что она занемогла нервной горячкой [Княгиня..., 1874, с. 411].

Другие авторы конца XIX – начала XX века подтверждают такую тенденцию. По словам П.А. Берлина, в дореформенный период «на купца смотрели не то, чтобы с презрением, а так, как-то чудно. Ты такой же мужик, как и все, только вот синий сюртук носишь, да и пообтесался немного между господами, а посадить обедать с собою вместе всё-таки нельзя – в салфетку сморкаешься» [Берлин, 1925, с. 14]. Авторы представленных воспоминаний отмечают, что в среде дворянства высокомерное отношение к купцам было распространенным явлением. Купечество в свою очередь, ощущая на себе неприязнь, порождало схожую реакцию. Представители купеческого сословия отмечают, что взаимоотношения купечества и дворянства сопровождалось недоверием, завистью и недоброжелательностью. Так крупный предприниматель Н. Вишняков писал, что повстречать «благородного» в купеческой среде было такой же редкостью, как купца в дворянском обществе. Интерес купечества к дворянскому сословию обычно ограничивался получением прибыли или иногда браком на представителе благородного сословия [Шаповалов, 2014, с. 455].

Архивные материалы Центрального Черноземья подтверждают, что в межличностных отношениях дворянства и купечества прослеживается неприязнь друг к другу. На материалах курской палаты суда и расправы за 1801 год было рассмотрено дело об оскорблении жены помещика коллежского регистратора М.Я. Изветкова курским купцом И.М. Ворноковым. По материалам дела стоит отметить презрение жены помещика к купеческому сословию, где она указывает на свое сословное превосходство и надменно выражается в адрес купца¹. Но были и отношения обратного порядка. В частности, в воспоминаниях М.С. Николевой стоит отметить интересный случай, когда её мать, оставшись без средств к существованию, попала на попечение к купчихам Шишковым, о которых упоминает только в положительном контексте. Сама М.С. Николева в своих воспоминаниях называет своим «хорошим знакомым» Е.Н. Булычева, который женат на Вяземской купчихе Гайдуковой [Черты..., 1893, с. 108–119]. Данные примеры являются малочисленными, и они не определяют доминирующую тенденцию.

В первые пореформенные годы характер межсословных взаимоотношений между дворянством и купечеством оставался прежним. Данное явление было закономерно, так как в структуре сословной иерархии Российского общества только представители дворянского сословия имели право называть себя благородными со всеми вытекающими правовыми основаниями. Базовым элементом, который скреплял психологию дворянства в нечто целостное, являлось осознание своей сословной исключительности. Это стало одним из социально-психологических препятствий в выстраивании социальных отношений представителей дворянства и купечества в пореформенный период. Сословная исключительность, закреплённая законодательно, выработала свой особый нравственный кодекс поведения, который наиболее известен под понятием «дворянская честь». Именно это придавало дворянству то чувство корпоративности, что в свою очередь за рамками сословной корпорации в повседневной жизни заставляло воспринимать дворянина как представителя особого, благородного сословия [Шаповалов и др., 2005].

Говоря о нравственных качествах дворянства, следует привести в пример из речи перед дворянскими выборами в Харьковской губернии, сказанной Макарием, епископом Харьковским и Ахтырским, в кафедральном соборе 25 сентября 1861 года. Он говорит следующее: «Я вижу людей благородных, для которых первая святыня – честь, первое дело – дело чести... Я вижу членов того государственного сословия, которое справедливо считается в нашем отечестве высшим, передовым, образованнейшим. А люди истинно образованные и просвещённые и, следовательно, более других умеющие ценить и свое личное нравственное достоинство, и достоинство своего звания, более других проникнутые сознанием своих обязанностей и способные возвышаться над мелкими расчётами самолюбия в пользу высших интересов, более других понимающие современные потребности своего сословия и всей страны» [Речь..., 1862, с. 7]. Также В.Г. Белинский писал, что именно дворянскому сословию дано право быть представителем российского общества, а также источником образования и нравственности [Белинский, 1955, с. 399]. Если вспомнить слова известного публициста М. Каткова, который может продолжить данную мысль: «Русское дворянство не отвлеченная формула, ни консервативная, ни либеральная: она живая принадлежность русского народа, то сословие, которое находится в теснейшей связи с его государственной жизнью. Да придёт Русское дворянство, как и в прошлые времена, живым звеном между царем и народом, честь которого оно составляет» [Катков, 1905, с. 63]. Рассмотрение различных аспектов данного явления прослеживается в отдельных исследованиях [Кулабухов, 1997; Шаповалов, 2014], где отмечается, что нравственный кодекс если не стоял выше существовавших правовых норм, но явно не уступал по своему значению. Таким образом, дворянство в России – это сословие, которое отличалось от других сословий не экономическими или политическими привилегиями, а в первую

¹ Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 106. Оп. 1. Д. 96. Л. 12.

очередь превосходством духа, преимуществом человека по нравственным качествам, которые применялись в служении Отечеству.

Что касается купечества, то оно являлось единственным сословием для вступления, в которое необходимо было заплатить взнос, что было закреплено законодательными актами первой половины XIX века. Тем не менее внутри купеческого предпринимательского сословия сложилась своя собственная социальная психология, где в сословных кругах начинают цениться такие ценности, как непритязательность, рационализм и патриархальный уклад жизни. Отношение к купечеству в Российском обществе XIX века было неоднозначное, а порой и негативное, в особенности со стороны интеллигенции и дворянства. Еще Н. Бердяев писал по этому поводу следующее: «Россия – страна купцов, погруженных в тяжелую плотность стяжателей, консервативных до неподвижности» [Шаповалов и др., 2005].

В литературе XVIII–XIX веков также прослеживается идентичная тенденция, где образ купца прописан с негативной стороны: «протобестии», «надувалы морские», «самоварники», «аршинники». Сатира в отношении к личности предпринимательского типа прослеживается в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.А. Некрасова, Н.Н. Плавильщикова, И.А. Крылова и других, но наиболее категорично это представлено у А.Н. Островского, большая часть работ которого посвящена изучению колоритного мира русского купечества, где купец изображается грубым, наглым, деспотичным, хитрым, необразованным. Такой образ русского купечества, наверное, не случайно Н.А. Добролюбов назвал «темным царством» [Вьюнов, 2002, с. 180].

В современных исследованиях социокультурный облик купечества особенно подробно рассматривался М.В. Брянцевым. В своём исследовании через массовые формы отражения общественного мнения, прежде всего в литературной традиции и периодической печати XVIII–XX веков, он отмечает, что личность предпринимательского типа не вписывалась в привычные нормы русской культуры. Это предопределило то неоднозначное отношение к купечеству, которое было свойственно русскому обществу [Брянцев, 2000]. Купеческая мемуарная литература также подтверждает данные выводы, так, например, А.П. Бурыйшкин отмечает, что в кругах дворянства и интеллигенции отношение к «толстосумам» было враждебное, а чаще всего насмешливое или немного «свысока» [Бурыйшкин, 1991, с. 11]. Видный драматург, публицист и предприниматель А.С. Ушаков в середине 1860-х годов с сожалением отмечает, что купец отечественными авторами представлен как «отребие» общества. Он также добавляет, что во многом в таком отношении виноваты сами купцы из-за недостатка образованности, светскости и чувства собственного достоинства [Ушаков, 1865, с. 76]. Таким образом, исходя из представленных примеров, можно сделать вывод, что социально-психологическая дистанцированность была характерна для дворянства и купечества. Чувство сословного превосходства, которое было характерно для представителей дворянства, становилось главным социально-психологическим препятствием в выстраивании межсословных отношений с купечеством. Дворяне считали недостойным иметь дело с купцами и старались избегать таких связей, в «высшем обществе» такие связи осуждались или даже презирались.

Главным фактором преодоления таких социально-психологических барьеров стала экономическая заинтересованность взаимного сотрудничества. Современные исследователи, рассматривая проблему социального партнерства дворянства и купечества в 60–90 годы XIX века, отмечают, что экономические реалии пореформенного периода показывают, что характер социально-экономического партнерства между дворянством и купечеством уже не проявлялся только в рамках частного кредитования. Отмена крепостного права оказала сильное влияние на социально-экономические аспекты жизни данных сословий. Так, впервые в пореформенные годы цены на землю стали расти, что касается цен на аренду, то они иногда превышали продажную стоимость земли. Дворянство, которое было заинтересовано в получении денежных средств, сдавало свои земли в аренду, где основным арендатором земель выступало купечество. В рамках данного взаимодействия

купцы брали в долгосрочную аренду большие площади земли у помещиков и пересдавали мелким съемщикам. Другим вариантом социально-экономического взаимодействия стала покупка и продажа земель на всеславном земельном рынке в течение всего пореформенного периода. Также купеческие и дворянские капиталы играли главную роль на рынке промышленности в пореформенные годы [Шаповалов, Шаповалова, 2008, с. 12–13]. Таким образом, уже начиная с 70–80 годов XIX века социально-психологические границы сословной структуры Российского общества в рамках капитализации если не исчезают полностью, то уже перестают быть такими непроходимыми. Следует считать, что вторая половина XIX века стала переломной как в сознании дворянства, так и купечества, в сложившихся реалиях оба сословия выстраивали новую модель социальных взаимоотношений, которая кардинально отличалась от прежней.

Авторы второй половины XIX века отмечают, что купечество постепенно осознает свои экономические возможности. Так, в пореформенный период особый интерес к купеческим капиталам проявляет дворянство, что в свою очередь влияет на межличностные взаимоотношения. Это показательно отмечает С.Н. Терпигорев: «Теперь, когда приезжает купец, необходимо было его положить спать в кабинете на диване, надо было ему подавать обед, строго-настрога приказав детям не смеяться, если купец станет сморкаться в салфетку» [Терпигорев, 1881, с. 143]. Другой отрывок из данных воспоминаний продолжает идею, обозначенную ранее: «Тогдашний представитель города, купец, так же мало походил на теперешнего купца, как теперешней ошипанный помещик походит на прежнего помещика» [Терпигорев, 1881, с. 145]. В пореформенные годы, когда началось бурное развитие межсословных отношений на земельном рынке, а также начался активный рост капиталов у различных сословий, стало ясно, что в буржуазном мире показателем социального статуса становится не факт благородного происхождения, а объем капитала. Таким образом, чувство сословного превосходства и другие социально-психологические различия дворянства и купечества уступают экономическим интересам. Взаимная экономическая заинтересованность становится основанием для их тесного хозяйственного сотрудничества. Такой вариант социально-экономического партнерства был более характерен для высших страт дворянства, имевших от 500 десятин, и купцов, которые имели в свободном обороте солидные капиталы (более 1000 рублей).

Так, уже начиная с 90-х годов XIX века характер взаимоотношений верхних страт дворянства и крупной буржуазии кардинально меняется, чувство сословной неприязни осталось, но оно не мешало им активно взаимодействовать друг с другом. Авторы воспоминаний конца XIX века отмечают, что границ между дворянством, аристократией и обеспеченными людьми незнатного происхождения уже не ощущалось. Многие представители «благородного» сословия вступали в брак с представителями купеческого сословия. Нередки случаи, когда они вступали в коммерческие предприятия, где их знаменитые имена использовались в интересах дела [Засосов, Пынин, 1991, с. 72]. Но особенно примечателен другой пример таких изменений. Так, например, гвардейское офицерство, в особенности аристократических полков, обычно державшееся обособленно, не гнушалось общества просвещенных купцов или владельцев фабрик, заводов. В отдельных случаях даже женились на представительницах богатых предпринимательских семей, но только с разрешения начальства, так как для службы в гвардии, особенно кавалерии, нужны были немалые средства. Это был один из вариантов улучшить свое материальное положение, чтобы дальше продолжать службу. [Засосов, Пынин, 1991, с. 87]. В данный период времени такой брак, когда дочь купца входит в аристократический дом, становится нормой. Со стороны «высокородного» дворянства уже препятствий не было, хотя еще лет десять назад такой брак считался бы мезальянсом.

Тут стоит отметить, что возросшая хозяйственная значимость купечества и социально-экономические изменения конца XIX века, которые открыли границы межсословного взаимодействия и дали возможность крупной буржуазии проникнуть в высшее общество, не делали их частью этого мира. Так, по воспоминаниям П.А. Бурышкина, потом-

ственного купца, можно проследить такую картину. Во время обучения в Катковском лицее, где обучались люди разных сословий, но преимущество отдавалось дворянскому сословию, он не испытывал неприятия в отношениях к себе. Но один случай он все же отмечает, когда был убит московский генерал-губернатор князь Сергей Александрович, стал вопрос о том, кому будет предоставлена честь «Представительства» на похоронах. Вот что пишет об этом случае Павел Афанасьевич: «Представительство было предложено кн. В.В. Голицыну, но последний отказался, заявив, что в отношении меня совершена несправедливость. Начальство объяснило, что могут спросить фамилию, и для лица лучше, если это будет титулованный, а не ученик из купеческого звания. Но Голицын стоял на своем... Должен сказать, что об этом не жалел: на такой церемонии мне вообще пришлось быть раз в жизни, а кроме того, я видел вблизи очень многих известных людей того времени и весь парадный придворный обиход. Но вместе с тем я впервые ясно понял, что тогда значило быть «чумазым»... Но в этом случае, хотя чувствовалась разница между белой и черной костью, все-таки дело обстояло иначе... Это, я не скажу «принижение», но во всяком случае не первенствующее положение купечества сохранилось до самых дней революции, но оно не имело уже такой грубой формы уже начиная со второй половины XIX века» [Бурый, 1991, с. 40]. Данный отрывок отчетливо показывает, что разница «между белой и черной костью» даже в конце XIX века имела место, но это было уже не чувство сословного превосходства, подкрепленное государственными привилегиями, а традиция, которая выражалась как во внешних, так во внутренних формах, и отличало дворянства от других сословий.

Другим социально-психологическим препятствием, влияющим на развитие межсословных взаимоотношений, являлась традиция. В силу ярко выраженного консерватизма традиционализм кардинально разграничивал дворянство с другими сословиями. Данная социально-психологическая категория имела настолько устойчивую форму, что даже в условиях капитализации осталась неизменно. Довольно примечателен пример: «Нам могут заявить, что в настоящее время ничто не препятствует свободе действий дворян и каждый из них может по собственному желанию заниматься ремеслами, торговлею, промышленностью и т. д. Но разве слово «Дворянин» есть пустой звук?» [Ворожбит, 1886, с. 14]. Традиционализм в дворянской среде базировался как во внешних, так и во внутренних формах. С одной стороны, это был культ предков, с другой – определенные «правила приличия». Высокий уровень сословной культуры дворянства явно возвышался по сравнению с другими сословиями, но отдельные представители пореформенного периода отмечают возросшую роль купечества в российском обществе, а также рост его самосознания.

Уже начиная с 70-х годов XIX века в литературной традиции можно встретить новые тенденции. Так, например, А.С. Ушаков пишет: «Я был приятно поражен их быстрым совершенствованием на пути образования. Как они живут, – чудо! Ничем не хуже нашего брата: дом, меблировка, стол; некоторые даже лучше нас, право!.. Ведь вы, купцы, еще совершенно не жившее племя, целое племя с оригинальными традициями, с огромной энергией души и тела» [Ушаков, 1862, с. 109]. Представленная в романе П.Д. Боборыкина «обломовщина» довольно точно отражает события, которые происходили во второй половине XIX века, где автор изображает купцов образованными, деловитыми и ни в чём не уступающими дворянству [Боборыкин, 1960].

Но все же разница в традициях была ощутима и выражалась в различии повседневной реальности. Так, например, у дворян вызывали настороженность терминология из буржуазно-делового обихода купцов. Буквально в «штыки» они воспринимают выражение «экономические законы» и в противовес говорят: «Какие-то экономические законы выдумали! Кому они нужны? Для нас с вами, надеюсь, один закон только и есть – законы света и приличия» [Брянцев, 2000, с. 169]. Представители дворянства подтверждали свою неспособность в предпринимательской деятельности, и эта сфера жизни являлась для них чуждой. На основе материалов периодической печати «Курские губернские ведомости» за 1863 год, в статье «Заметки о винокурении в России» можно отметить следующее: «Купцу

торговля сроднее, чем помещику, и он скорее подвинет это дело вперед, доказательством того служит то, что в настоящее время многие помещики сдают свои заводы в аренду купцам» [Записки о винокурении..., 1863, с. 35].

Начиная с 70–80 годов XIX века можно говорить о росте купеческого самосознания, в отличие от дореформенного периода их уже привлекал не дворянский титул, а деловые качества, чем дворяне не обладали. В свою очередь купечество понимало свою несостоятельность в деле образованности, хоть и проявляло в этом деле изрядное усердие. Так, авторы воспоминаний 1890–1910 годов отмечают, что купцов, представленных в романах А.Н. Островского, в наше время уже почти не было. Купечество – это теперь по большей части образованные люди, которые заканчивают коммерческие училища (Петровское, Екатерининское и др.), а их дети поступают в институты и университеты. Особенно примечательно то, что купечество охотно рождалось с дворянами. Повседневная жизнь в таких семьях была своеобразной – терялись постепенно черты купеческого быта, но и не чувствовалось еще внешнего лоска аристократии, к которой они стремились [Засосов, Пыпин, 1991, с. 33].

Литература второй половины XIX века показывает, что в культурной среде купечества произошли значительные изменения. Так, в произведениях дореформенного периода преобладало изображение невежественного, малограмотного купца, но, начиная с А. Ушакова [Ушаков, 1862], обозначается образ образованного купца. Лишь только благодаря П.Д. Боборыкину [Боборыкин, 1956] эта тема стала общественно значимой. Его главные герои – купцы образованные, «европейской складки». В течение всего XIX века, несмотря на активное сопротивление дворянства, происходит сближение представителей буржуазного мира и дворянства, что не объединяет их в себе, но формирует две новые социально-психологические группы «аристократии капитала» и «аристократии крови».

Современные исследователи, изучая вопросы эволюции сословной структуры российского общества, отмечают, что к концу XIX века стремительно разрушается обособленность сословных групп и происходит сближение в социально-психологическом контексте. Таким образом, значительная часть дворянского сословия обуржуазилась, то есть стала заниматься предпринимательской деятельностью. Примерами могут быть А.И. Вышнеградский – руководитель петербургского международного коммерческого банка, А.И. Путилов – руководитель Русско-Азиатского банка [Ульянова, 1999, с. 21]. Данные примеры нельзя считать единичными, такая тенденция также прослеживалась и в более бедных подгруппах дворянского сословия. По материалам «Курской казенной палаты» за 1892 г., в Курской губернии представители дворянства получали гильдейские свидетельства на право торговли, и это было уже не редкостью¹.

Таким образом, проведенный анализ межличностных отношений представителей дворянства и купечества показывает всю сложность социальной психологии пореформенного периода. Бурное развитие межсословных отношений на земельном рынке, капитализация общества показали дворянскому сословию, что социальный статус уже не определяется только принадлежностью к высшей сословной группе и дали купечеству возможность развития в социально-экономическом плане. Таким образом, на трансформацию социальных отношений представителей дворянства и купечества в пореформенный период оказали воздействие чувство сословной исключительности дворянства и традиционализм каждой отдельной сословной корпорации.

Список литературы

1. Белинский В.Г. 1955. Статьи и рецензии. Том VI. М., Издательство Академии Наук СССР, 793.
2. Берлин П.А. 1925. Русская буржуазия в старое и новое время. М., Издательство «Книга», 308.

¹ ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 7526. Л. 214

3. Боборыкин П.Д. 1993. Китай-город. М., Художественная литература, 519.
4. Брянцев М.В. 2000. Русское купечество: социокультурный аспект формирования предпринимательства в России в конце XVIII – начале XX века. Диссертация... доктора исторических наук. М., 616.
5. Бурьшкин П. А. 1991. Москва купеческая: мемуары. М., Высшая школа, 352.
6. Ворожбит. 1886. Социально-экономический вопрос в России. СПб., Тип. М.М. Стасюлевича, 16.
7. Вьюнов Ю.А. 2002. Слово о русских. Характер, склад мышления и духовные ценности в историческом контексте. М., Искусство, 350.
8. Записки о винокурении в России. 1863. Курские губернские ведомости. Отдел неофициальный. 5: 35.
9. Засосов Д.А., Пыпин В.И. 1991. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Записки очевидцев. Л., Лениздат, 269.
10. Землянский И. 1860. Воронежские письма. Русское слово. Том III. Воронеж, 27–43.
11. Катков М.Н. 1905. О дворянстве. М., Печатня А.И. Снегиревой, 65.
12. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова. 1874. Русская старина. Том IX. СПб., 405–438.
13. Кулабухов В.С. 1997. Эволюция менталитета дворянства Черноземного региона в пореформенный период 1861–1905 гг. Диссертация... кандидата исторических наук. М., 209.
14. Терпигорев С.Н. 1881. Оскудение: Очерки помещичьего разорения. СПб., Плотников Ф.Н., 389.
15. Речь перед дворянскими выборами в Харьковской губернии, сказанная Макарием епископом Харьковским и Ахтырским в кафедральном соборе 25 сентября 1861 года. 1862. Духовный вестник. Харьков, 6–19.
16. Ульянова Г.Н. 1999. Благотворительность московских предпринимателей: 1860–1914. М., Издательство Московского городского объединения архивов, 512.
17. Ушаков А.С. 1862. Из купеческого быта. Повести и очерки. М., Издательство А.Черепина, 354.
18. Ушаков А.С. 1865. Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. М., В типографии Грачева, 195.
19. Черты старинного дворянского быта. Воспоминания М.С. Николевой. 1893. Русский архив. 3 (9): 107–120.
20. Шаповалов В.В. 2014. Поместное дворянство Европейской России в 50–90-е гг. XIX века (по материалам центрально-черноземных губерний). Белгород, ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 544.
21. Шаповалов В.А., Шаповалова И.В. 2008. Российское дворянство и купечество в 60–90-е годы XIX века: проблемы социального партнерства. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология, 1 (5): 12–19.
22. Шаповалова В.А., Кулабухов В.С., Старченко Г.И., Бычковский В.В., Шатохин И.Т. 2005. Эволюция сословной структуры общества Центрального Черноземья в пореформенный период (на примере Курской губернии). Белгород, Издательство БелГУ, 427.

References

1. Belinskiy V.G. 1955. Stat'i i retsenzii. Tom VI [Articles and reviews. Volume VI]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 793.
2. Berlin P.A. 1925. Russkaya burzhuaziya v staroe i novoe vremya [Russian bourgeoisie in old and new times]. Moscow, Izdatel'stvo «Kniga», 308.
3. Boborykin P.D. 1993. Kitay-gorod [China-town]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 519.
4. Bryantsev M.V. 2000. Russkoe kupechestvo: sotsiokul'turnyy aspekt formirovaniya predprinimatel'stva v Rossii v kontse XVIII – nachale XX veka [Russian merchants: the socio-cultural aspect of the formation of entrepreneurship in Russia at the end of the XVIII – beginning of the XX century]. Dissertation... doc. historical sciences. Moscow, 616.
5. Buryshkin P. A. 1991. Moskva kupecheskaya: memuary [Moscow merchant: memoirs]. Moscow, Vysshaya shkola, 352.
6. Vorozhbit. 1886. Sotsial'no-ekonomicheskii vopros v Rossii [Socio-economic issue in Russia]. Saint-Petersburg, Tip. M.M. Stasyulevicha, 16.

7. Vyunov Yu.A. 2002. Slovo o russkikh. Kharakter, sklad myshleniya i dukhovnye tsennosti v istoricheskom kontekste [A word about Russians. Character, mentality and spiritual values in a historical context]. Moscow, Iskustvo, 350.
8. Notes about the distillery in Russia. 1863. Kursk provincial Gazette. The department is unofficial. 5: 35 (in Russian).
9. Zasosov D.A., Pypin V.I. 1991. Iz zhizni Peterburga 1890–1910-kh godov. Zapiski ochevidtsev [From the life of St. Petersburg 1890–1910-ies. Eyewitness notes]. Leningrad, Lenizdat, 269.
10. Zemlyanskiy I. 1860. Voronezhskie pis'ma. Russkoe slovo. Tom III [Voronezh letters. Russian word. Volume III]. Voronezh, 27–43.
11. Katkov M.N. 1905. O dvoryanstve [About nobility]. Moscow, Pechatnya A.I. Snegirevoy, 65.
12. Noblewoman Ekaterina Romanovna Dashkova. 1874. Russian past. Tom IX. Saint-Petersburg, 405–438 (in Russian).
13. Kulabukhov V.S. 1997. Evolyutsiya mentaliteta dvoryanstva Chernozemnogo regiona v poreformennyi period 1861–1905 gg [The evolution of the mentality of the nobility of the Black Earth region in the post-reform period 1861–1905]. Dissertation... cand. historical sciences. Moscow, 209.
14. Terpigorev S.N. 1881. Oskudenie: Ocherki pomeshchich'ego razoreniya [Oskudyen: Essays landlord ruin]. Saint-Petersburg, Plotnikov F.N., 389.
15. Speech before the nobility elections in the Kharkov province, said by Makari the Bishop of Kharkov and Akhtyrsky in the Cathedral on September 25, 1861. 1862. The spiritual messenger. Kharkiv, 6–19 (in Russian).
16. Ul'yanova G.N. 1999. Blagotvoritel'nost' moskovskikh predprinimateley: 1860–1914 [Charity of Moscow entrepreneurs: 1860–1914]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gorodskogo ob'edineniya arkhivov, 512.
17. Ushakov A.S. 1862. Iz kupecheskogo byta. Povesti i ocherki [From the merchant life. Stories and Essays]. Moscow, Izdatel'stvo A. Cherepina, 354.
18. Ushakov A.S. 1865. Nashe kupechestvo i trgovlya s ser'eznoy i karikaturnoy storony [Our merchants and trade with a serious and caricature side]. Moscow, V tipografii Gracheva, 195.
19. Traits of an old noble life. Memories M.S. Nikolevoj. 1893. Russian archive. 3 (9): 107–120.
20. Shapovalov V.V. 2014. Pomestnoe dvoryanstvo Evropeyskoy Rossii v 50–90-e gg. XIX veka (po materialam tsentral'no-chernozemnykh guberniy) [Local nobility of European Russia in the 50–90-ies. XIX century (on the materials of the central black earth provinces)]. Belgorod, ID «Belgorod» NIU «BelGU», 544.
21. Shapovalov V.A., Shapovalova I.V. 2008. Rossiyskoe dvoryanstvo i kupechestvo v 60–90-e gody XIX veka: problemy sotsial'nogo partnerstva [Russian nobility and merchants class in the 60–90-e of XIX century: problems of social partnership]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya, 1 (5): 12–19.
22. Shapovalova V.A., Kulabukhov V.S., Starchenko G.I., Bychkovskiy V.V., Shatokhin I.T. 2005. Evolyutsiya soslovnoy struktury obshchestva Tsentral'nogo Chernozem'ya v poreformennyi period (na primere Kurskoy gubernii) [The evolution of the estate structure of the society of the Central Chernozem region in the post-reform period (on the example of Kursk province)]. Belgorod, Izdatel'stvo BelGU, 427.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Гудов Д.С. Трансформация социальных отношений представителей дворянства и купечества в пореформенный период в контексте социально-психологического ракурса. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 3. С. 507–515. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-507-515

Gudov D.C. Transformation of nobles and merchants' relations during the post-reform period in socio-psychological context. Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science. 2019. V 46. № 3. P. 507–515. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-507-515